

УДК 341.01
ББК 67.91

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: РИСКИ ПРОЕКТА ПЕРЕБРОСКИ СИБИРСКИХ РЕК В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

А. Г. Упоров

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк (Новокузнецк, Россия),

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

Аннотация: Установлено, что проект переброски части стока сибирских рек Оби и Иртыша в Центральную Азию формирует комплекс трансграничных экологических рисков и выступает испытанием для системы международного экологического и водного права. Выявлено противоречие между нарастающим водным кризисом в Центральной Азии и фрагментарностью международно-правового регулирования трансграничных водных объектов, в том числе отсутствием специальных договорных режимов для крупномасштабных межбассейновых перебросок стока. Показано, что отсутствие обязательных процедур трансграничной оценки воздействия на окружающую среду, эффективного совместного мониторинга и механизмов учёта интересов экосистем Западной Сибири и Арктики усиливает правовую неопределённость и создаёт угрозу нарушения принципов предотвращения трансграничного вреда, предосторожности, устойчивого использования водных ресурсов и сотрудничества государств. Выявлено, что исторический опыт обсуждения и сворачивания «поворота сибирских рек» в СССР, а также современная дискуссия вокруг возможного возобновления проекта подтверждают институциональный вакуум в сфере международно-правовой оценки трансграничных экологических последствий. Сделан вывод о необходимости развития международно-правового режима охраны окружающей среды при реализации подобных инициатив путём конкретизации процедур трансграничной ОВОС, закрепления специальных требований к межбассейновым проектам, усиления прозрачности и участия затрагиваемых государств и сообществ. Рекомендовано расширять кооперативные механизмы водного сотрудничества России и государств Центральной Азии как альтернативу односторонним инфраструктурным решениям.

Ключевые слова: трансграничные водные объекты; международное экологическое право; международное водное право; охрана окружающей среды; экологическая безопасность; водный кризис Центральной Азии; проект переброски сибирских рек; межбассейновая переброска стока; трансграничная оценка воздействия на окружающую среду; принципы предотвращения трансграничного вреда и предосторожности.

INTERNATIONALLEGALPROBLEMS OF TRANSBOUNDARYWATERCOOPERATION: RISKS OF THE PROJECT OF TRANSFERRINGSIBERIANRIVERSTOCENTRALASIA

A. G. Uporov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk

(Novokuznetsk, Russia), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

Annotation: It is established that the project of diverting part of the flow of the Siberian rivers Ob and Irtysh to Central Asia generates a complex set of transboundary environmental risks and serves as a critical test for the system of international environmental and water law. The study identifies a contradiction between the escalating water crisis in Central Asia and the fragmented international legal regulation of transboundary

watercourses, including the absence of special treaty regimes for large-scale inter-basin water transfer schemes. It is shown that the lack of mandatory procedures for transboundary environmental impact assessment, effective joint monitoring and mechanisms for taking into account the interests of the ecosystems of Western Siberia and the Arctic exacerbates legal uncertainty and creates a risk of violating the principles of prevention of transboundary harm, precaution, sustainable use of water resources and inter-State cooperation. The analysis reveals that both the historical debate and subsequent abandonment of the “Siberian rivers transfer” project in the USSR, as well as the contemporary discussion on its possible revival, confirm the existence of an institutional vacuum in the international legal assessment of transboundary environmental consequences. The article concludes that it is necessary to develop the international legal regime for environmental protection in relation to such initiatives by clarifying procedures for transboundary EIA, establishing special requirements for inter-basin projects, and strengthening transparency and participation of affected States and communities. It is recommended to expand cooperative mechanisms of water cooperation between Russia and the Central Asian States as an alternative to unilateral infrastructure solutions.

Keywords: transboundary watercourses; international environmental law; international water law; environmental protection; environmental security; Central Asian water crisis; Siberian river transfer project; inter-basin water transfer; transboundary environmental impact assessment; principles of prevention of transboundary harm and precaution.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.29](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.29)

Введение

В статье исследуются комплексные экологические и международно-правовые проблемы, связанные с возрождением дискуссий о переброске части стока сибирских рек (Оби и Иртыша) в регионы Центральной Азии. На фоне усугубляющегося водного кризиса, вызванного климатическими изменениями, демографическим ростом и устаревшей водохозяйственной инфраструктурой данный проект рассматривается как потенциальный инструмент геополитического давления и фактор региональной нестабильности. Методология исследования включает сравнительно-исторический анализ (сопоставление советского и современного проектов), системный анализ экологических рисков и догматический анализ норм международного экологического права. В отсутствие прочной международно-правовой базы, механизмов совместного управления и комплексной оценки трансграничного экологического воздействия реализация подобных проектов чревата не только необратимыми экологическими последствиями для экосистем Западной Сибири и Арктики, но и эскалацией политических конфликтов, миграционными кризисами и долгосрочной дестабилизацией центральноазиатского региона.

Актуальность исследования обусловлена нарастающим дефицитом водных ресурсов в Центральной Азии, который трансформируется из экологической и хозяйственной проблемы в угрозу региональной безопасности. Демографический рост, таяние ледников, неэффективное ирригационное земледелие и отсутствие действенных механизмов водodelения между государствами региона создают предпосылки для острого социально-политического кризиса [1, с. 12–13]. В этом контексте периодически возрождаются дискуссии о масштабной инженерной интервенции — переброске части стока сибирских рек на юг [2, с. 170–171]. Данный проект рассматривается не только как техническое решение, но как многомерный политико-правовой феномен.

На наш взгляд, актуальность данной темы — возрождение дискуссий о переброске стока — это симптом институционального и политического провала. Вместо инвестирования в фантастические по стоимости, рискам и сложности проекты, которые лишь перераспределяют кризис в пространстве и времени, все ресурсы должны быть направлены на подлинное решение: глубокую модернизацию водного хозяйства Центральной Азии (водосберегающие технологии, цифровизацию, селекцию культур), адаптацию к изменению климата, на создание подлинно работающих, основанных на взаимном доверии и праве механизмов совместного управления водными ресурсами региона. Переброска рек — это путь в тупик конфронтации, тогда как будущее лежит на пути кооперации и адаптации.

Настоящее исследование фокусируется на системной коллизии и правовом пробеле в регулировании крупномасштабных трансграничных водохозяйственных проектов. Эта проблема раскрывается в двух плоскостях:

1. Коллизия между абстрактными принципами и отсутствием конкретных процедур. Существует фундаментальное противоречие между общепризнанными принципами международного экологического права (предотвращение трансграничного вреда, предосторожность, обязанность сотрудничества, рациональное использование) и практически полным отсутствием обязывающих конкретных процедур для их применения к проектам, не являющимся плотинами на пограничной реке, но представляющим глобальный экологический и геополитический риск. Регулирование трансграничных водотоков остается фрагментированным и реактивным.

2. Институциональный вакуум в оценке глобально значимых экологических последствий. Действующие механизмы оценки трансграничного экологического воздействия, включая Конвенцию Эспо 1991 г., носят преимущественно региональный характер и не рассчитаны на проекты, последствия которых выходят далеко за рамки непосредственных соседей и затрагивают глобальные «общие блага», такие, как климатическая система Арктики. Возникает правовая неопределенность: кто является «затрагиваемой стороной», и кто правомочен требовать проведения (чего?) в ситуации, когда потенциальный ущерб носит диффузный, но глобально-значимый характер?

Исторический контекст и проблемы «поворота рек на Юг»

Проект переброски части стока сибирских рек (Оби и Иртыша) в бассейн Аральского моря разрабатывался с начала 1970-х годов, а в марте 1976 года на XXV съезде КПСС было принято решение о начале работ по его реализации [3, с. 50]. Параллельно планировалась переброска стока северных рек европейской части страны в бассейн Волги для компенсации водозабора при строительстве каналов «Волга-Чограй» и «Волго-Дон 2» [4, с. 112]. Показательно, что проект был остановлен 14 августа 1986 года не в результате применения норм международного права или механизмов трансграничной экологической оценки, а благодаря внутренней научной и общественной кампании во главе с академиком А.Л. Яншиным [5, с. 935]. Этот исторический прецедент демонстрирует ключевой правовой пробел: в условиях отсутствия обязывающих международных процедур оценки воздействия (Конвенция Эспо была принята лишь в 1991 г.) решение о судьбе проекта с потенциально глобальными экологическими последствиями зависело исключительно от внутривластной конъюнктуры.

Однако закрытие проекта в 1986 году не положило конец дискуссии. В 2002 году мэр Москвы Ю.М. Лужков направил письмо Президенту РФ В.В. Путину с предложением вернуться к идее переброски части стока Оби в Казахстан и Среднюю Азию, что вызвало новую волну научной критики [6, с. 76]. Академик А.В. Яблоков в обращении к премьер-министру М.М. Касьянову предупреждал о рисках, которые сегодня квалифицируются как объекты международно-правовой защиты: изменение теплового баланса Российской Арктики и климата на значительных территориях страны, нарушение экосистем трансграничных рек Иртыш, Тобол и Ишим, утрата традиционного природопользования коренных народов Севера [7, с. 106]. Эти аргументы демонстрируют, что экологические последствия переброски выходят за рамки национальной юрисдикции и требуют применения норм международного экологического права, включая механизмы трансграничной оценки воздействия на окружающую среду.

Следующий блок проблем связан с конкретными экологическими рисками строительства канала. Согласно проектной документации канал планируется прокладывать по ложбине древнего стока в долине реки Бурла, бассейн которой включает реликтовый Алеусский ленточный бор и Бурлинскую озёрную систему с уникальной экосистемой. Особую международно-правовую значимость имеет тот факт, что здесь расположены водно-болотные угодья, включённые в теневой список Рамсарской конвенции 1971 г. — места остановки краснокнижных видов птиц (пеликан, черноголовый хохотун, розовый фламинго) [8]. Строительство канала создаст угрозу объектам, подпадающим под международные природоохранные обязательства России, что актуализирует вопрос о применении механизмов трансграничной экологической оценки.

Таким образом, исторический анализ показывает, что решения о проектах с трансграничными экологическими последствиями принимались и продолжают обсуждаться вне рамок международно-

правовых механизмов. Этот правовой вакуум создаёт условия для использования водного вопроса как инструмента геополитического давления.

Современные инструменты давления на Россию

Советский проект 1970–80-х гг. был остановлен не только по экологическим, но и по политическим соображениям, что свидетельствовало о зарождении политического сознания в отношении крупных природопреобразующих инициатив. Страны Центральной Азии, в особенности Узбекистан и Казахстан, оказывают политическое давление на Россию, используя в качестве аргумента риск крупномасштабной климатически обусловленной миграции населения в случае углубления водного кризиса. В публичной риторике это нередко формулируется как угроза «миллионов климатических беженцев», которые якобы хлынут в Россию [9], тогда как научные оценки говорят о вероятном росте миграционных потоков, но в существенно меньших масштабах [10, с. 19]. Это меняет парадигму обсуждения: проект переброски стока рассматривается не в логике взаимовыгодного сотрудничества, а в логике уступки угрозам, изначально деформирующей правовые и экологические основания его оценки. Решение Отделения наук о Земле РАН вновь изучить проект перераспределения стока Оби стало публично известно после октябрьского заседания 2025 г. научного совета «Водные ресурсы суши» [11]. Как рассказал РБК научный директор Института водных проблем РАН В. Данилов-Данильян, речь идёт о проработке закрытой трубопроводной системы, которая должна привести воду в Аральский регион. Практически сразу против инициативы выступил в своём Telegram-канале обозреватель ВГТРК, вице-спикер Мосгордумы А. Медведев, назвав её «предательством национальных интересов» и заявив, что проект неизбежно нарушит экологический баланс Западной Сибири, а проблему водного дефицита в Средней Азии должны решать сами её государства [12].

Проект перераспределения стока сибирских рек (в первую очередь идей по переброске части стока Иртыша и Оби в бассейн Аральского моря) является гипотетическим, но постоянно всплывающим в дискуссиях о водном кризисе в Центральной Азии. Это создаёт фон для давления [13, с. 107–108].

Дипломатия и многосторонние институты

Активизация в рамках МФСА (Международный фонд спасения Арала): страны Центральной Азии (особенно Узбекистан, Казахстан) используют эту площадку для совместных обращений к России, подчеркивая не только экологическую, но и гуманитарную катастрофу в регионе.

ООН и ее специализированные органы (ЮНЕП, ЭСКАТО): давление через резолюции, доклады о трансграничном водном сотрудничестве, где по воде Россия позиционируется как верхняя по течению страна, несущая особую ответственность согласно принципам международного водного права (Конвенция ООН по международным водотокам 1997 г., хотя Россия ее не ратифицировала).

Всемирный банк, АБР, ЕБРР: косвенное давление через финансирование. Кредиты на водные проекты в Центральной Азии могут быть обусловлены демонстрацией «устойчивого и кооперативного управления трансграничными водами» со всеми соседями, включая Россию. Отказ от сотрудничества может повлиять на репутацию и доступ к финансам.

Правовые и нормативные механизмы

Апелляция к международному праву: основной инструмент — ссылки на принципы справедливого и разумного использования и обязанность не наносить значительный ущерб соседним государствам (принципы Хельсинки 1966 г., Конвенция 1997 г.). Любой крупный проект переброски будет представлен как нарушение этих принципов.

Требование проведения Трансграничной экологической оценки (ТЭО): давление с целью заставить Россию проводить полноценную ТЭО в соответствии с Протоколом Эспо (к которому Россия не присоединилась), с обязательным участием стран Центральной Азии. Отказ от ТЭО трактуется как нарушение международных экологических стандартов.

Использование договоров СССР: страны Центральной Азии настаивают на сохранении и модернизации советской системы договоров о вододелении (например, с Казахстаном по Иртышу), не допуская их пересмотра в ущерб себе.

Экономические и финансовые рычаги

Водоемкость экспорта: центральноазиатские страны (особенно Узбекистан и Туркменистан) — крупные потребители хлопка и пшеницы, требующие ирригации. Кризис может привести к социальной нестабильности и падению их покупательной способности, что ударит по российскому экспорту.

Энергетическая взаимозависимость: Россия зависит от гидроэнергетического режима в Центральной Азии (особенно от Кыргызстана и Таджикистана) для стабильности объединенной энергосистемы. Водный конфликт может спровоцировать энергетический.

Китай как альтернативный партнёр: страны Центральной Азии могут использовать растущее влияние Китая (в рамках инициативы «Пояс и путь») как противовес, предлагая Пекину больше проектов в обмен на поддержку в водном вопросе.

Россия, осознавая эти риски, использует следующие контрстратегии:

1. Официальный отказ от советских проектов. Российское руководство неоднократно заявляло, что не планирует возрождать проект переброски в его старом виде. Это снимает прямой повод для обвинений.

2. Сдвиг фокуса на внутренние проблемы. Акцент на водном кризисе внутри России (дефицит в Крыму, на Алтае, в Калмыкии, нарастающие проблемы с водой в южных регионах из-за климата). Любые проекты будут представлены как внутреннее перераспределение, а не экспорт воды [14].

3. Подчёркивание неэффективности водопользования в Центральной Азии. Россия указывает на колоссальные потери воды в ирригационных системах Центральной Азии, устаревшие методы полива и выращивание влагоёмких культур (хлопок, рис) в пустыне. Требуется от стран Центральной Азии сначала провести внутреннюю водную реформу.

4. Предложение технологических решений вместо водных. Продвижение российских технологий капельного орошения, опреснения, очистки сточных вод, цифровизации водного хозяйства как альтернативы переброске [15].

5. Использование двусторонних, а не многосторонних форматов. Предпочитает работать с каждой страной Центральной Азии отдельно (особенно с Казахстаном, с которым уже есть договоры), чтобы не создавать единого фронта давления [16].

Миграционные и социальные последствия: контекст Центральной Азии и проекта переброски

В зоне риска исходящего государства (Россия, особенно Сибирь и Алтай):

1. Принудительное переселение. Строительство каналов, водохранилищ, инфраструктуры неизбежно приведёт к затоплению территорий, требующему переселения жителей.

2. Коллапс традиционных укладов жизни для коренных и местных сообществ (например, рыбаков, фермеров, оленеводов), чья жизнь неразрывно связана с естественным режимом рек. Изменение водного стока означает утрату этнокультурной идентичности, средств к существованию и деградацию социальной ткани.

3. Рост социальной напряжённости. Мигранты из зон затопления, а также возможный приток рабочей силы на стройку создадут нагрузку на социальную инфраструктуру принимающих городов/регионов, что может вылиться в конфликты на почве ресурсов и культурных различий.

4. Демографический дисбаланс. Деградация экосистем (обмеление рек, опустынивание пойменных земель) может спровоцировать экологическую миграцию из сельских районов в города Сибири и на запад России, усугубляя и без того сложную демографическую ситуацию в депопулирующих регионах [17].

В зоне риска принимающих государств (Центральная Азия):

1. Иллюзия решения и отложенный кризис. Любые дополнительные водные ресурсы могут временно снять остроту проблемы, но без реформы водопользования это лишь отсрочит неизбежную социально-экологическую катастрофу. Рост населения и неэффективное сельское хозяйство быстро «съедят» любой дополнительный объём.

2. Усиление зависимости и уязвимости. Страны Центральной Азии попадут в долгосрочную ресурсную и, следовательно, политическую зависимость от России. Любое изменение условий поставки воды (по цене, объёму, политическим мотивам) станет инструментом жёсткого давления и может спровоцировать нестабильность.

С точки зрения международного экологического права любая попытка реализации проекта переброски сибирских рек без соблюдения описанной процедуры (трансграничная ОВОС, консультации, СПОС) будет являться грубым нарушением международных обязательств.

Ответственность является взаимной, но асимметричной. Основное бремя доказывания безопасности и справедливости проекта лежит на исходящем государстве (России). Однако принимающие государства (Центральной Азии) также несут ответственность за эффективное использование ресурсов и минимизацию социальных рисков на своей территории.

Наиболее вероятный правовой путь в случае конфликта — это не прямой запрет проекта, а наложение международными органами строгих процессуальных и материальных условий, выполнение которых сделает проект экономически и политически нецелесообразным. Именно эта система международно-правовых норм сегодня служит главным сдерживающим фактором.

Заключение

Возрождение дискуссий о переброске стока сибирских рек в условиях водного кризиса в Центральной Азии демонстрирует глубину проблем правового регулирования трансграничных водных объектов и охраны окружающей среды. Проведённый анализ показал, что реализация подобных проектов сопряжена с риском необратимых изменений экосистем Западной Сибири и Арктики, а также с существенными пробелами в международно-правовых и национальных механизмах оценки и предотвращения экологического вреда. Отсутствие обязательных процедур трансграничной оценки воздействия и совместного мониторинга усиливает правовую неопределённость и создаёт условия, при которых экологическая повестка используется как инструмент геополитического давления, а не как основа устойчивого и экологически ориентированного управления водными ресурсами.

С позиций экологического права представляется необходимым нормативно закрепить специальные требования к межбассейновым проектам перераспределения стока. В российском законодательстве это предполагает уточнение норм Федерального закона «Об охране окружающей среды» и Водного кодекса РФ в части обязательности государственной экологической экспертизы таких проектов с учётом трансграничных последствий, участия затрагиваемых субъектов Российской Федерации и обеспечения открытости экологической информации. В правоприменительной практике важно шире использовать принципы предосторожности, предотвращения трансграничного вреда, устойчивого использования водных ресурсов и приоритета охраны окружающей среды при оценке допустимости крупномасштабных водохозяйственных инициатив.

Для внешнеполитического и договорного уровня ключевой задачей является развитие кооперативных механизмов трансграничного водного сотрудничества на основе международных стандартов экологической оценки, совместного мониторинга и обмена экологически значимой информацией, в том числе в рамках Международного фонда спасения Арала и других профильных площадок. Реализация предложенных подходов позволит снизить конфликтный потенциал вокруг идей переброски сибирских рек, укрепить правовые гарантии охраны окружающей среды и повысить уровень экологической безопасности России в условиях усиливающегося водного дефицита и климатических изменений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быстрова А. К. Проблемы глобальной инфраструктуры в центральноазиатском регионе. Оптимизация роли России / А. К. Быстрова; отв. ред. И. М. Могилевкин. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2013. 98 с.
2. Соловьёв А. А., Лизунов В. В. Перспективы перезапуска «Сибирского проекта» по переброске части стока рек Западной Сибири в Центральную Азию // Профессиональное образование в современном мире. 2024. Т. 14, № 1. С. 170–180.
3. Бровченко М. И. Поворот сибирских рек // Рыбохозяйственная школа. 2018. № 3. С. 48–56.
4. Собисевич А. В. Советские проекты преобразования природы в Центральной Азии в контексте научной дипломатии // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4 (59). С. 109–120.

5. Чесноков В. С. Академик А. Л. Яншин: учёный и гражданин // Вестник РАН. 2013. Т. 83, № 10. С. 931–940.
6. Василенко В. А. Обсуждение продолжается (о переброске части стока сибирских рек на юг) // ЭКО. 2008. № 12. С. 74–88.
7. Бровченко М. И. Поворот сибирских рек и общественная сила, остановившая этот проект (к истории вопроса) // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 103–109.
8. Жерелина И. В. Против идеи переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию. Новосибирск: Институт водных и экологических проблем СО РАН, 2002.
9. Russia refused to help Central Asia solve the water problem // UPL.uz. 2020. URL: <https://upl.uz/policy/35550-news.html> (дата обращения: 10.06.2026).
10. Рязанцев С. В., Моисеева Е. М. Влияние глобального изменения климата на миграцию населения в России и странах Центральной Азии // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 3. С. 18–32.
11. РБК. Учёные РАН предложили изучить возможность «поворота» сибирских рек в Среднюю Азию. 13.11.2025. URL: <https://www.forbes.ru/society/549884-ucenye-ran-predlozili-izucit-vozmozhnost-povorota-sibirskih-rek-v-srednuu-aziu> (дата обращения: 10.06.2026).
12. Андрей Медведев прокомментировал идею поворота сибирских рек // Смотрим. 13.11.2025. URL: <https://smotrim.ru/article/4781406> (дата обращения: 10.06.2026).
13. Крымская водная повестка: что ждать в 2026 году? [Электронный ресурс] // RuInformer. 2025. 23 дек. URL: <https://ruinformer.com/page/krymskaja-vodnaja-povestka-chto-zhdet-v-2026-godu> (дата обращения: 06.06.2026).
14. Зонн И. С. Гидрохозяйственная «хирургия» — первые проекты межбассейновых перебросок стока рек // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2022. № 3(42). С. 60–69.
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об использовании водных ресурсов трансграничных рек Иртыш, Ишим и Тобол: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 1992 г. № 520 (с изм. на 2025 г.). // Собрание законодательства РФ. 1992. № 32. Ст. 1871. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_XXX/ (дата обращения: 10.06.2026).
16. Бюджет Алтайского края на 2026 год приняли с дефицитом в 6,8% [Электронный ресурс]. // ТАСС. 2025. 26 нояб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25743297> (дата обращения: 06.06.2026).
17. Республика Калмыкия [Электронный ресурс] // ФАУ «Федеральный центр нормирования, стандартизации и технической оценки соответствия в строительстве» Минстроя России. URL: <https://www.sciencemon.ru/org-info/3117> (дата обращения: 06.06.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Упоров Александр Геннадьевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», Новокузнецк, Россия; ORCID ID: 0000–0003–4231, SPIN-код: 5955–1749. 654066, г. Новокузнецк, Кемеровская область, ул. Кирова, д. 103, кв. 86, Email: uporov65@mail.ru